

БИБЛИОТЕКА АЛЬМАНАХА «СЛОВЕСНОСТЬ»

Книжная серия
«Визитная карточка литератора»

Федор ФИЛИППОВ

СТИХИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
МОСКВА

Вест-Консалтинг
2009

Ф. В. Филиппов. Стихи для чтения. Стихотворения.
М.: Вест-Консалтинг, 2009. – 40 с.

Филиппов Федор Владимирович (Артур Ио) родился 11 августа 1952 года в Москве. Возглавляет СОУЛ (Секцию Остро Умной Литературы) Московской организации литераторов. Руководитель семинара «Третья Среда». Печатается в различных СМИ, альманахах и отдельных книгах. Первое лауреатское звание в области литературы получил в 1982 году – лауреат «Клуба Ильфа и Петрова». Дальнейшие годы знаменовал регулярным получением всевозможных литнаград. Из наиболее значительных в последнее время – премия «Золотой теленок» и премия «Словесность».

ISBN 5-86676-016-9

Заказное издание

- © Ф. В. Филиппов, стихи, 2009
- © Союз литераторов России, идея издания, составление, предисловие, 2009
- © Вест-Консалтинг, оригинал-макет, вёрстка, 2009

* * *

Цензуры больше нет, и классно! –
Пиши, что хочешь, брат-поэт.
Но кажется порой: напрасно
У нас цензуры больше нет.
Я не питаю к ней почтенья,
Оковы слову не нужны,
Но сколько, будь она, при чтенье
Я сэкономил бы слюны!

* * *

Стать умнее – пустая задача:
Необъятного нам не объять.
Хочешь быть в этой жизни удачлив –
Не пытайся ее усложнять.
Все философы кончили плохо,
В нищете гордый век протрубя.
И не надо винить в том эпоху –
Все эпохи достойны себя.
Наша тоже не лучше, не хуже,
В ней, подобно иным временам,
Ум с одною лишь целью нам нужен:
Чтоб понять – что не нужен он нам!

* * *

По жизни игры выбирая,
Мы знаем что нам выбирать.
Хирурги в ножички играют,
Чтоб людям в ящик не сыграть.
А если отодвинуть фатум
Им не удастся, черт возьми,
Тогда патологоанатом
Сыграет в ножички с людьми.

* * *

Что я могу сказать про вас?
Когда, прищурив левый глаз,
Вперяю в вас открытый правый,
А вы глядите на меня,
Как солнце на закате дня,
С улыбкой светлой, но лукавой, –
Всё, чтоб я ни хотел сказать –
Неважно. Все слова излишни,
И лишь восторг и благодать
В душе цветут розаном пышным.
О, если б мог, сорвав его,
Я вам преподнести прекрасный
Цветок, как кровь поэта, красный –
Знак восхищенья моего!

* * *

Один умен. Другой умеет словом
Чужую мысль красиво облекать:
Услышит, покумекает – и, глядь –
Уже стихотворение готово.
И к первому несет. И тот с почтеньем
Читает: Ишь, придумал какво!
А то, что мысль-то, собственно, его,
Почти не помнит, увлеченный чтеньем.
Другая мысль к нему уже пришла,
И прошлую уволила с работы,
И если б не старанья стихоплета,
Давно б она на пенсии была.
И умный честно говорит поэту:
«Да, без тебя весь ум – один нейрон,
Пulsирующий в темноте времен,
И только ты его являешь свету»...
А тот, выпячивая гордо грудь,
В улыбке ясной обнажая зубы,
Сквозь них цедит: Хоть сказано и грубо,
Но точно выражена суть!

* * *

Когда однажды я с постели
Не встану утром... Вот вопрос:
Поймет ли мир, что он понес
Невосполнимую потерю?
Поймет ли, напрягая ум
И обостряя слух могучий,
Что мной производимый шум
Входил в гармонию созвучий?
Поймет ли он, что без меня
Беднее стал, что я был нужен,
Как нота в партитуре дня?
А не поймет – ему же хуже!

* * *

Не став скромней в желаниях своих,
Я понял, что желания – химера,
И, хоть из всех возможных, чувство меры
Скучнейшее, я начал мерять их
Возможностью осуществленья. Годы
Берут свое, и опыт прежних лет
Твердит уныло: супротив природы,
Взлетая мыслью, не иди, поэт!
Что можно, что доступно, что логично –
За тем гонись, того и вожделей,
А что вне компетенции твоей –
О том и думать даже неприлично:
Не лезь на недоступный пьедестал,
Не для тебя заря успеха брезжит...
Нет, я скромней в желаниях не стал:
Я просто их озвучиваю реже.

* * *

Гумилева поставили к стенке
Потому что при взгляде на хама
У него не дрожали коленки
И смотрел как-то слишком уж прямо.
Нынче время гуманней. Но в этом
Тоже надо еще разобраться:
Если к стенке не ставят поэтов,
Может, что-то с поэтами, братцы?

* * *

Я мог бы вас назвать милашкой...
Но вы обидетесь, боюсь,
И я, не кончив речь, собьюсь,
Почувствовав, что дал промашку
И где-то в грязь упал лицом...
А ведь обидитесь напрасно!
Милашка – славное словцо, –
Мне это совершенно ясно.
Когда бы я был, скажем, вы,
Что лишь гипотеза, увы,
А вы, напротив, были мною, –
Услышавши из ваших уст
Подобный, полный свежих чувств
Эпитет, пахнущий весной,
Отреагировал бы я
И положительно, и тонко.
Но вы – есть вы, у вас своя
Душа, свои души потемки.
Я вас обидеть не хочу,
И тихо в тряпочку молчу...

* * *

Я не знаю, хорошо ли это
И достойно ль памяти веков,
Если биография поэта
Интереснее его стихов?
Пуля, оборвавшая стремленья,
Возраст, недошедший до седин...
Набегают слезы умиленья:
Эх, а мог бы... Жаль поэта, блин!
Но – не знаю. Тут такое дело:
Если статистически считать –
Сколько жертв аборта не сумело
В этой жизни гениями стать!
К ним судьба была еще суровой,
Но в поэтах мы не числим их.
Ах!.. На этом честном русском слове
Обрываю я свой горький стих.

* * *

Я в жизни многое видал,
И верным шел путем, и ложным.
Я был бы гением, возможно,
Когда бы быт не заедал.
Мне говорят друзья: усилия
Лишь приложи – и сможешь ты
Взлететь, расправив гордо крылья,
Достичь достойной высоты.
Я ж отвечаю: пусть летают
Пернатые, а мне и здесь
Неплохо: как ни заедает,
Но в быте всё же что-то есть.
Порою даже – очень что-то,
Притом, приятное весьма.
А гений – трудная работа,
И не для всякого ума.

* * *

Я помню: времена бывали
Когда, лишь ночь погасит свет,
Из недр дивана вылезали
Клопы на свой ночной фуршет.
Столом им представлялось ложе,
Артерия – вина рекой.
Пусть и не бескорыстно, всё же
Они любили род людской.
Ценили личность не по платью,
Им был неважен кожи цвет,
И были мы по крови братья,
Хотя по разуму – и нет.
Куда девалось это племя?
В какой далекий край ушло?
Не говорите мне, что время
Кровососущих истекло.
На свежий лейкоцит польстится,
Лишь волю дай, немало ртов.
Но кровью я своей готов
Отнюдь не с каждым поделиться...

* * *

Был день. На небесах редела
Гряда унылых серых туч,
Но сквозь нее уже несмело
Пытался пробиваться луч.
Душа оттаивала малость
И расслаблялся нерв слегка,
И мысль тихонько пробиралась
По закоулкам мозжечка,
И постепенно становилось
Осмысленнее бытиё,
И всё к гармонии стремилось,
Не понимая суть её...

* * *

Я вас, ребята, жизни не учу.
Я сам-то в ней не много понимаю.
И только иногда сказать хочу
Я вслух о ней то малое, что знаю.
Не для каких-то целей, просто так,
Всего лишь от владенья даром речи.
Так соловей заводит песнь в кустах,
Едва к полуночи подкатит вечер.
Нет, с соловьем пример не очень чист:
Он не для проведения досуга
Поет: имеет соловьиный свист
Прямую цель – привлечь свою подругу.
А мне – есть слушатель иль нет его –
Без разницы. И я от спетых песен
Отнюдь не ожидаю ничего:
Мне сам процесс сугубо интересен.
И если вы в моих простых словах
Находите не только децибелы,
То значит что-то в ваших головах
Дотоле в ожидании сидело.
И колебанье воздуха слегка
Качнуло мысли маятник застылый,
И показалась вам моя строка
Умнее, чем задуманное было.

* * *

Она была стройна, как тополь.
Был ясен взгляд, как небо летом,
А я спокойно мимо топал,
Читая на ходу газету.
И, лишь когда прошел, заметил
Всё перечисленное выше,
И мысль порхнула, словно ветер:
Вот от таких съезжают крыши,
И в Кащенко везут клиентов,
Мечту принявших за надежду,
Где соответственно моменту
Их одевают в спецодежду,
И водят их на процедуры,
Уколы колют ежечасно,
А потому что – бабы-дуры
На них взирают взглядом ясным,
Прозрачным, словно небо летом...
Я повернулся к ней всем телом,
Подумав: подождет газета,
Но выскажу что накопело!
Увы и ах! – она пропала,
Как мимолетное виденье,
И там, где только что стояла,
Рос тополь, глупое растенье.

* * *

Поклонник Канта и поэт,
Я подвергаю всё сомнению,
И даже собственному мненью
Доверия порою нет,
А уж, тем более, чужому! –
Поскольку знаю точно я:
Всё может быть и по-другому
В координатах бытия.
Я нелинейного подхода
Решительный апологет,
Хоть понимаю – у народа
К объемной мысли тяги нет.
Считает он: весьма нелепо
Мозгами шевелить, когда –
Заехал оппоненту в репу, –
И разногласий нет следа.
Но я, хоть малый и нехилый,
И мастер спорта, между тем
Пренебрегаю грубой силой
При обсужденье тонких тем.

* * *

Когда я что-нибудь пойму,
Я стану, может быть, умнее,
И сам себе же самому
Хоть что-то объяснить сумею.
Но как понять, пока не стал
Умнее, и себе же лично
Сам объяснения не дал
В понятиях вполне привычных?
Я в этом замкнутом кругу
Болтаюсь, как в пруду мочало,
И догадаться не могу,
Где тут конец, а где – начало?

* * *

По речке селезень плывет.
И в позе – тайное страданье.
Напрасно он подругу ждет
На предрассветное свиданье.
На всё, увы, судьбы рука,
С судьбою бесполезны шутки:
Смертельный залп дробовика
Прервал полет влюбленной утки.
Еще пока не знает он
Ее летального исхода,
Лишь, горестных предчувствий полн,
Туда-сюда снует по водам...
Но жизнь, пути не зная вспясть,
Всё время движется по кругу,
И год спустя, весной опять
Найдет он новую подругу.

* * *

Все гении несчастны. Но при этом,
Все в гениев рядятся, хоть убей,
И каждый вслух зовет себя поэтом,
Проводником божественных идей.
От стука в грудь летит по миру эхо,
Куда ни кинь – всё угодишь в творца.
А приглядишься – среди ловцов успеха
Ни одного, достойного свинца.
Дантесы тоже пули зря не тратят, –
Уж выходить к барьеру – должен быть
Эффект при эффективном результате.
А нынешних – что куропаток бить.
Поэтому другие интересы
У них, пути иные их достичь,
И с птичьим гриппом борются Дантесы,
Стреляя пролетающую дичь.

* * *

Ночь, как всегда, заходит с тыла.
Запел соловушко в кустах.
Ты в ожидании застыла,
А я застыл за просто так.
Стоим и слушаем рулады:
Фюить-фьють-фьють, фюить-фьють-фьють...
Мне, лично, ничего не надо.
Тебе, хоть надо, но чуть-чуть.
Луна глядит офонарело,
Моргают звезды, как со сна.
О чем-то с елочкой несмело
Тихонько шепчется сосна.
Озон струится, звуки тают,
В ручье голавль скользит по дну.
И быстро время пролетает, –
Жаль, в сторону всегда одну...

* * *

В любой теории изъян
Возможен, но я лично, каюсь,
К прилету инопланетян
Винишком разным запасуюсь.
Зайдет какой-нибудь ко мне,
Засланец космоса под вечер
И скажет: «Истина в вине!» –
А я готов к достойной встрече.
Мы чашу осушим до дна,
Свой взгляд на истину сближая,
И он оценит вкус вина,
И нас, землян, зауважает.
Пусть в технике мы лет на сто
От них отстали, несомненно,
Но в виноделии зато
Вполне на уровне Вселенной!

НА СМЕРТЬ СОСЕДА

Навеяно Г. Р. Державиным

День протечет, и в Лету канет.
Назавтра новый день придет.
А вот сосед – уже не встанет,
Ни завтра и ни через год.
Глагол времен... Нет, междометье!
Вздыхает время «ах!» и «ох!»
Всё скоротечно в этом свете:
Короткий, неглубокий вздох.
Сосед жить долго собирался,
А приказал нам долго жить.
Надеялся – и вмиг расстался
С надеждами... Эх, брошу пить!
Хотя – что пей, что будь аскетом –
Судьбу свою не провести.
Мы все туристы в мире этом,
Не знающие цель пути.
Сосед – неглупый был мужчина,
И даже кандидат наук.
И что? Ученость – не причина
Продлить свой срок и сердца стук.
Еще вчера читал он книжки,
Писал конспекты и статьи.
И вот теперь лежит под крышкой,
Лишенный жизненной струи,
Лишенный жизненного кредо,
Благих стремлений и забот:
Жил-жил сосед, жил-жил, и вот –
Лишь стих остался от соседа...

* * *

Она вошла, как сон внезапный
Среди бессонницы ночной,
Внесла духов прелестный запах
И платья шорох кружевной.
Она была неповторима,
Я от восторга оробел,
И недокуренную «приму»
Оставил в пальцах не у дел.
Поднялся, сделал шаг навстречу,
Сказал, как прочитал с листа:
– Какой сегодня чудный вечер!
И вы!.. Ну, просто, лепота!..
Она кивнула головою,
Ответила, – был голос тих:
– Я – муза. Я пришла с тобою
Создать великолепный стих...
Воздушный шар восторга сдулся,
Ушло мгновенья волшебство.
Я сел и «примой» затянулся:
– А, муза... Только и всего?..

* * *

Не говорите, что я – злой,
Что я – двуногая ехидна.
Вы плохо знаете, как видно,
Мой мирный нрав, мой ум простой.
Я весь – исчадие добра,
В душе – лишь радужные краски,
И каждый день я, встав с утра,
Повсюду источаю ласки.
На всех я трепетно гляжу
Прозрачным, лучезарным оком...
А если правду вам скажу –
Так то – случайно, ненароком.

* * *

Брожу по кладбищу ума.
Здесь столько мыслей обитает:
И – знаменитые весьма,
И те – которых мир не знает.
Одни других в былые дни
Не удостаивали взглядом,
И вот теперь лежат они
Под сенью лет, как ровня, рядом.
И дела нету никому
До бывшей мудрости, забытой
Иль до смерти в словах избитой,
И ставшей тормозом уму.
Лишь, опадая, желтый лист
Их позолотой покрывает,
Да, заблудившись, забредает
Историк или афорист.

* * *

Я тихо нюхаю цветы –
Амбре, достойное вниманья.
К тому же, символ красоты
И повод для очарованья.
Как хорошо, что наделен
Я осязательным предметом,
И позволяет мне при этом
Быть в курсе ощущений он.
И я цветы не только зреть
Могу, но чувствовать вне зренья,
И полное о них иметь
Вполне восторженное мненье!

* * *

Две крайности – рождение и смерть –
Как мост, между собою жизнь связала.
За шагом шаг идем мы над провалом,
А кажется – что под ногами твердь.
И мы идем, довольные обманом,
Не думая о бездне под собой,
Рождения – не помним, смерть – туманом
Скрыта. Только – мост, и мы – гурьбой.
А там, внизу... Но ежели об этом
Всё время думать, никаких мозгов
Не хватит: есть для этого поэты,
А прочим, мост – лишь путь меж берегов.
И пусть поэты логикой железной
Подхлестывают образную страсть,
Обычный человек, бредя над бездной,
Не думает, что может вниз упасть.
И потому, как правило, в итоге
Он, не искавший света в полной тьме,
Оказывается умнее многих
Тех, кто отказывал ему в уме.

* * *

Прими сей череп, Дельвиг, он...

А. С. Пушкин

Когда окончу бренный путь земной
И лягу в землю под оркестра звуки,
Какой-нибудь прямой адепт науки,
Лет сто спустя, отыщет череп мой,
Отполирует в виде винной чаши
И станет пить из емкости, ничуть
Не помышляя, каковая суть
Ее доселе наполняла... Страшен
Исход такой?
Да, страшен, но не с той
Позиции, что мне бы не хотелось,
Чтоб голова моя рассталась с телом,
А тем, что он, используя объем
Для утоленья жажды или пьянства,
Воспользуется только лишь пространством,
И не желая знать, что было в нем!
К чему тогда мой путь, работа мысли,
Извилины мозга спутанная нить,
Коль так легко их могут заменить
«Портвейн» или, к примеру, «Рислинг»?

* * *

Я так свою лелею лень,
Люблю бездействие пустое,
Что даже собственную тень
Мне лень отбрасывать порою...

* * *

У нас тут осень. Дождь со снегом,
Из-за угла грозитя вьюга.
А где-то там, в широтах юга,
Разлита солнечная нега.
Там хорошо. Здесь явно хуже,
И можно бы о тех широтах
Мечтать, да нет такой охоты:
Кому я там, на юге, нужен?
Там рай, там праздник жизни чудный,
Веселье в воздухе витает.
А я – унылый, даже, нудный, –
Кому меня там не хватает?
Но здесь, где осень, слякоть, сырость,
Где вьюга серым волком воет,
Моя тоска, моя унылость –
На месте, и чего-то стоят.

* * *

В позиции своей упорен,
Порою – непоколебим,
Я и с царем бы взялся спорить,
Коль был бы не согласен с ним.
Потом, в сибирском удаленье
На звездный глядя небосклон,
Я при своем остался б мненье,
Хоть при своем остался б он.
И в этом – ничего такого,
Что не вмещала б голова:
Поэт имеет право слова,
А царь – имеет все права.

* * *

За окнами рассвет
Природе строил куры.
«Без женщин счастья нет», -
Сказала ты с прищуром.
«Уйду, вот, и поймешь,
Как в мире счастье зыбко», -
Закалывая брошь,
Продолжила с улыбкой.
И видя, что слезу,
Как пьешь свое какао:
«Ты слышишь, ухожу», -
Закончила лукаво...
Но не был ввергнут в шок
Таким я поворотом, -
Ответил: «Хорошо.
Что ж, уходи, - чего, там!
Всегда готов поэт
К любой житейской доле:
Без женщин счастья нет,
Но есть - покой и воля».
Мой веский аргумент
Сбил твой настрой спесивый:
Ты поняла в момент -
Нашлась альтернатива...
Я не обрел покой,
Не получил я воли:
Осталась ты со мной.
Не знаю, повезло ли?

* * *

В глубоком раздумье над собственным «я»
Застал меня дождь среди белого дня
На улице в центре столицы.
Утратив комфорт и душевный уют,
Рванул по подъездам гуляющий люд –
От хлябей разверстых укрыться.
Я, было, последовал вслед за толпой,
Пробитой ногами народа тропой,
Но мой альтер эго на это
Заметил: «Бежать от лиющихся вод,
Пусть данный момент – лишь всего эпизод,
Отнюдь не достойно поэта!»
Что мог возразить я, коль эго был прав?
И тягу к порядку в одежде поправ,
На хляби разверстые глядя,
Остался я мокнуть средь белого дня
В ладу с ходом мыслей и собственным «я»,
Хотя и с погодой в разладе.

* * *

Брут Кесарю в бедро нанес
Удар кинжалом заостренным,
Попал – и Леты вал зеленый
К Аиду Кесаря унес.
Такое дело видя, Бруту
Велел стать кесарем народ.
Напрасно он твердил, что, будто,
Не хочет, что подобный род
Занятий чужд ему: воззрений
Толпы не тронули слова, –
В отместку общая молва
Ему ответила презреньем,
Которого снести не мог
Тираноборец, и без страха
Он в собственную грудь клинок
Вонзил с расстройства и с размаху.

И тот же вал его унес
Туда ж... Эх, Брут, какого хрена,
Не изучив народный спрос,
Полез ты делать перемены?
Народ, ведь, честно говоря,
Взирая трепетно на Брута,
Ждал не свободы пресловутой,
А только – доброго царя.
Ты обманул надежды Рима –
Так поделом тебе, герой.
Плыви по лону вод с дырой
В груди, и проплывая мимо
Семи холмов и гордых стен,
Подумай на досуге кратком:
Что – человек? – ходячий тлен
В границах общего порядка.
И если не настал момент
Для смены вех – удар железом:
Не очень веский аргумент,
А чаще даже – бесполезный.
Патриций, вроде, не дебил,
И понимать обязан это.
Но страсть к геройству – выше сил.
Ну, что ж, несите воды Леты
Его в заслуженный Аид, –
Там поумнеет. А не сможет:
Ему тень кесаря поможет,
И всё доступно объяснит.

* * *

Забывтый ветреной судьбой
В своей обители смиренной,
Я закрываю за собой
Плотнее двери в мир надменный.
Там шум и суета сует,
Там имитация движенья,
На месте вечное круженье
И чуждый слуху звон монет, –
Чужих монет, в чужих карманах...
Благодарю, судьба, твою
Забывчивость: я редко пью
Напиток общего дурмана,
И трезвым взглядом потому
Смотрю на гомон повсеместный.
Кто носит мир в душе, тому
Достаточно квартиры тесной
Для счастья, если есть оно.
А если нет – так, и не надо:
Самодостаточность наградой
Поэту. Всё, что мне дано –
Мое, и удовлетворяет
Мои потребности во всём.
Пусть улица горит огнем
Страстей, находит и теряет, –
Забывтый ветреной судьбой,
Мольбы не обращаю к ней я,
А дверь закрывши поплотнее,
Веду беседы сам с собой.
Налив себе две чашки чаю,
Попеременно отпиваю,
Сам и вопросы задаю,
И сам себе же отвечаю
Всегда по делу и в струю.

* * *

Любезная, ваш стан и плечи
И прочих прелестей черты
Меня доводят до черты,
Когда теряется дар речи,
Когда извилины мозгов
Спрямяются до основанья
И забываются названья
Всех древнегреческих богов.
И я, желающий сравнить
Вас с этой... как ее... с Венерой,
Теряю разговора нить,
Чем вам же действую на нервы.
Свой взгляд бросая сверху вниз,
Вы думаете: Туп как пробка!
Но это я ведь от любви-с, –
В обычной жизни я не робкий,
И тут валяю дурака
Не по своей, заметьте, воле.
Ах, если б были вы слегка...
Но вы, увы, гораздо боле!

* * *

Пусть с виду я высокомерен,
Непререкаем и сердит,
Но я на практике проверен:
Кто в курсе дела – подтвердит.
Порою выражаюсь резко,
И даже посылаю «на..»
Но так рубанок и стамеска
Снимают лишнее с бревна.
Ложится стружкой древесина,
Находит на полу покой,
И оживает Буратино
У Папы Карло под рукой.

* * *

Вы от судьбы чего-то ждете,
Ввысь задираете главу,
Но жизнь – не гидроплан в полете,
А плоскодонка на плаву.
Наивно, запрокинув выю
И взгляда перпендикуляр
Бросая в небеса тугие,
Стоять, как редкий экземпляр
Прибрежной фауны и флоры:
Когда все сущее внизу,
Вотще воздернутые взоры
Вперячь, испытывая зуд
Желанья, в горние пределы,
Мечтой реальности круша:
Что на плаву – то не взлетело,
А не взлетело – значит, ша!

* * *

И рюмка водки – ценность бытия! –
Есть смысл во всем: в открытии бутылки,
В разливе, в предвкушении акта пылком
И чувственном процессе питания.
О, высший, горний смысл в деянье этом:
Вот – жидкость есть, точней, была – и нету! –
Так жизнь: течет, течет – и вышел срок...
Ты скажешь, друг Аглая, что поэту
Не след на лире воспевать порок? –
Согласен. Но не огненную воду,
Так называемую, здесь пою,
А суть неотвратимости исхода,
Дающую значимость бытию.
И даже ты не станешь, друг Аглая,
Со мною спорить, что любой предмет
(И рюмку в том числе) беря – поэт,
Свободной мыслью гордо воспаряя,
Конкретное деянье или факт
Уводит в даль логических простраций,
Чем превращает тривиальный акт
В звено цепи нетривиальных акций, –
Цепи, которой высший судия
Теории и практики начала
Связал... Э, нет, недаром прозвучало:
«И рюмка водки – ценность бытия!»

* * *

Стояла одинокая ольха
В прозрачной дымке раннего тумана...
Хорошее начало для стиха.
Да что там мелочиться – для романа!
Но чтоб сюжета завязать клубок, –
Одной ольхи не хватит для сюжета, –
Тут нужен рядом молодой дубок,
В ольху влюбленный тайно, без ответа.
И, по весне особо, должен он,
Когда кругом природы пробужденье,
Клянуть судьбу, что деревом рожден,
Лишенный всяких средств передвиженья...
Но, как вещает первая строка:
«Стояла одинокая...», и значит,
Ты хоть убей, а рядом нет дубка,
Одна ольха стоит и горько плачет.
А это не роман уж, а романс, –
Стих, стало быть, для голоса с гитарой.
Но стих – пустяк. Что тратить время даром?..
Создать шедевр опять упущен шанс.

* * *

Я должен, как художник, возвышаться
И над самим собою и над веком.
Но, оставаясь трезвым человеком,
Как тут слегка умом не помешаться?
Как быть в одно конкретное мгновенье
Внутри и, в то же время, вне себя же?
А если это и удастся даже –
Как избежать природы раздвоенья?
Ведь, говорят, душа неразделима.
И ежели природе я послушен,
То, как художник, должен быть бездушен,
Иль – двоедушен, как властитель Рима,
Который сам поджег свой город Вечный,
И сам воспел удачную затею.
А, в общем, был простой и человечный,
Что признавали даже иудеи.

* * *

Кончен пир. Залита скатерть
Брызгами шальных утех,
И лежат лицом в салате
Те, кто к счастью ближе всех.
Те, кто к цели шел и цели
Предназначенной достиг:
Не добрался до постели,
Но поймал блаженства миг.
И завидуя подспудно,
Осуждающе глядят,
Кто хотел бы, но прилюдно
Не посмел упасть в салат.

* * *

И я был юный и борзой.
Бурлила в жилах кровь игриво,
Девиц по лестнице крутой
На даче летнею порой
Тащил я на чердак ретиво,
А там...
Теперь – не то. И кровь
Течет, как взятая в кавычки,
И рифму вечную «любовь»
Вставляю больше по привычке.
Но пыл еще не весь иссяк
В моей натуре хладнокровной:
Порою для игры любовной
Могу я влезть и на чердак.
Конечно, скорость залезанья
Уже поменьше, но вполне
Достаточна для пониманья:
Не вся застыла кровь во мне.
И рифма вечная, как прежде,
Не только звук в конце строки.
Да, на чердак я лезу реже.
Но жизнь – не только чердаки.

* * *

Ограничиваясь мыслью,
Не вдаваясь в область чувств,
Я порой не много смыслю
В сфере творческих искусств.
Но и этого довольно,
А когда – и через край,
Чтобы чисто добровольно,
Даже как бы невзначай,
Сделать вывод резким словом,
Не вникая в ипостась:
– Под Луной ничто не ново,
Как по новому ни крась...
И творцы мастей различных,
Хоть судачат за спиной
И меня не любят лично,
Но не ссорятся со мной.

* * *

Снова осень. В который уж раз.
Съездить в Болдино, что ли, развеяться?
Написать пару пьес на заказ?
Но заказов, увы, не имеется.
Да и в Болдино ехать мне в лом:
У меня, ведь, там нету имения...
Снова осень. Всё больше – в былом,
А в грядущем, напротив – всё менее.
Эх, тоска... Хорошо хоть тоска:
Всё же чувство из рода эпических.
Что мне Болдино? Выпить пивка,
Да и плюнуть на всё. Поэтически.

* * *

Сгорая, плавилась свеча.
Тут я сказал ей: «Это точно.
Китайцев много. По ночам
Трудолюбив народ восточный.
А мы, славяне, даже днем
Нелюбопытны и ленивы.
Сейчас бутылочку допьем,
И разойдемся, блин, красиво»...
Она воскликнула: «Молчи!»
И косо на меня взглянула.
Но даже в отблесках свечи
На китайнку не тянула.

* * *

Последний лист на ветке клена
Не знает, что, сменивши масть,
Как и собратья, осужден он,
В конце концов, на землю пасть.
Играя с ветром беззаботно,
Он осени наивно рад,
И думает, что позолота –
Рассвет его, а не закат.
Счастливчик! От сомнений чистым
Умом растения живет.
Так и на землю опадет
Неисправимым оптимистом.

* * *

***Старик Державин нас заметил,
И в гроб сходя, благословил.***

А. С. Пушкин

Старик Державин слишком рано помер,
Не дотянул до нынешнего дня:
А если б он не Пушкина, меня
Благословил? – вот это был бы номер.
Везде мелькал бы четкий профиль мой,
Цитаты б из моих стихов тащили,
В граните я стоял бы на Тверской,
И речи в честь меня произносили.
Я был бы нашим всем, а Пушкин – нет,
Хоть в текстах сам себе остался б равен:
Считалось бы – он неплохой поэт,
Однако ж – не благословил Державин!
Но я не подгадал родиться в срок,
Меня старик Державин не дождался.
Тут под рукою Шурик оказался...
Наглядный исторический урок.

* * *

О, дайте, дайте мне понуть!
Жизнь тяжела и беспросветна,
И в полумраке незаметна
Ее логическая нить.
Мне обещал писатель Горький,
Что, мол, для счастья я рожден.
Гляжу вокруг и вижу только
Бесцельный бег пустых времен.
Грядущее туманом скрыто,
И в прошлом света не найдешь.
Вся жизнь – разбитое корыто.
Где ж счастье-то, ядрена вошь?
О, дайте мне понуть хоть малость!
Эх, и тоска уже не та:
Вот, помню, раньше тосковалось,
Вот, раньше нылось – красота!

* * *

Когда гармония в природе,
Когда душевно бодр народ,
Когда Парнас и музы в моде –
Тут каждый песню пропоет,
И в восприимчивом эфире
Сама собой звучит струна.
А ты, поэт, сыграй на лире,
Когда она едва слышна.
Когда ты лавром не увенчан,
Пегасу лень копытом бить,
И очень редкие из женщин
Готовы за талант любить.
Сыграй, и звуки извлекая,
Доверь их чистому листу.
И я тебя зауважаю.
И даже, может быть, прочту.

* * *

Суровой поступью педанта
Он к книжной полке подошел,
И сняв с нее поэму Данта,
Сказал: вот это – хорошо!
Всё прочее – пардон, игрушки,
Забавы легкого ума,
И даже ваш любимый Пушкин
В сравненье с Дантом – не весьма...
Я выслушал его покорно,
Но лишь он кончил, возразил:
Всё прочее – игра, бесспорно,
Но с Пушкиным уж ты хватил!
Не трожь Сергеича! В кумирах
Не зря он призван состоять,
И звук его чудесной лиры
Позвонче дантовой раз в пять.
И я не против флорентийца, –
Он тоже парень ничего, –
Но если перейти на лица –
Я пасть порву за своего!...
С него слетела спесь педанта,
Он проще и доступней стал:
Убрал на место томик Данта,
И томик Пушкина достал...

* * *

Она степенно вышла из реки.
Вода с нее стекала ручейками.
Прошла на расстоянии руки.
Но я стоял, не двигая руками.
Я каменную статуей застыл,
Немой восторг изображая взглядом.
Она прошла. Ее изящный тыл
Не уступал переднему фасаду.
Хотел рвануться вслед, но – как прирос,
И это помешало мне рвануться.
Такие формы, габариты, рост –
И не моё!.. Могла б и оглянуться.
Но – нет... И я подумал: так судьба
Порой сама идет к тебе навстречу.
А ты стоишь подобием столба,
Утратив дар движения и речи.
Проходит. Ты взираешь на нее,
Любуешься походкой и фигурой,
И тешишь самолюбие свое:
– Не оглянулась. Очевидно, дура...

* * *

Кто знал бы Павла Третьякова,
Кто б за него замолвил слово,
Метро в его назвал бы честь,
Когда бы он, мозги имея,
В Москве б не создал галерею,
Которая и ныне есть.
В которой на широких стенах
Висят полотна мастеров,
Где живописи дух нетленный
Искусства подпирает кров.
Куда, коль хочешь ты считаться
Интеллигентом, ты сходить
Обязан, и повосхищаться:
Глаза умело закатить,
Воскликнуть: «Просто груз оков
С души слетает и с рассудка!» –
Чтоб все сказали: ах, каков –
Ну, блин, знаток из знатоков...
Бессмертен Павел Третьяков.
Вы, нынешние, ну-тка!

* * *

Его не брали ни микробы,
Ни водка, вечный русский бич,
Но как-то он, в припадке злобы,
Себе накликал паралич.
Мораль проста, как рубль с полтиной:
Как ты ни злись – судьба сильней,
И лучше к ней прийти с повинной,
Чем бесполезно спорить с ней.

СОДЕРЖАНИЕ

«Цензуры больше нет, и классно!..».....	3
«Стать умнее – пустая задача...».....	3
«По жизни игры выбирая...».....	4
«Что я могу сказать про вас?..».....	4
«Один умен. Другой умеет словом...».....	5
«Когда однажды я с постели...».....	5
«Не став скромней в желаниях своих...».....	6
«Гумилева поставили к стенке...».....	6
«Я мог бы вас назвать милашкой...».....	7
«Я не знаю, хорошо ли это...».....	8
«Я в жизни многое видал...».....	8
«Я помню: времена бывали...».....	9
«Был день. На небесах редела...».....	9
«Я вас, ребята, жизни не учу...».....	10
«Она была стройна, как тополь...».....	11
«Поклонник Канта и поэт...».....	12
«Когда я что-нибудь пойму...».....	12
«По речке селезень плывет...».....	13
«Все гении несчастны. Но при этом...».....	13
«Ночь, как всегда, заходит с тыла...».....	14
«В любой теории изъян...».....	14
НА СМЕРТЬ СОСЕДА.....	15
«Она вошла, как сон внезапный...».....	16
«Не говорите, что я – злой...».....	16
«Брожу по кладбищу ума...».....	17
«Я тихо нюхаю цветы...».....	17
«Две крайности – рождение и смерть...».....	18

«Когда окончу бренный путь земной...»	19
«Я так свою лелею лень...»	19
«У нас тут осень. Дождь со снегом...»	20
«В позиции своей упорен...»	20
«За окнами рассвет...»	21
«В глубоком раздумье над собственным "я"...»	22
«Брут Кесарю в бедро нанес...»	22
«Забывтый ветреной судьбой...»	24
«Любезная, ваш стан и плечи...»	25
«Пусть с виду я высокомерен...»	25
«Вы от судьбы чего-то ждете...»	26
«И рюмка водки – ценность бытия!..»	27
«Стояла одинокая ольха...»	28
«Я должен, как художник, возвышаться...»	29
«Кончен пир. Залита скатерть...»	29
«И я был юный и борзой...»	30
«Ограничиваясь мыслью	31
«Снова осень. В который уж раз...»	31
«Сгорая, плавилась свеча...»	32
«Последний лист на ветке клена...»	32
«Старик Державин слишком рано помер...»	33
«О, дайте, дайте мне поныть!..»	34
«Когда гармония в природе...»	34
«Суровой поступью педанта...»	35
«Она степенно вышла из реки...»	36
«Кто знал бы Павла Третьякова...»	37
«Его не брали ни микробы...»	37

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
Библиотека альманаха “СЛОВЕСНОСТЬ”

ФЕДОР ВЛАДИМИРОВИЧ ФИЛИППОВ
Стихи для чтения

Книжная серия «Визитная карточка литератора»

Редактор — Евгений Степанов

Бумага офсетная
Гарнитура Calibri
Тираж 100 экземпляров.
Сдано в набор 01.09.2009
Подписано в печать 25.10.2009

Издательство и типография
«Вест-Консалтинг»
109193, г. Москва, Большой Знаменский переулок, д. 2,
стр. 3, офис 333. тел./факс (495) 697-06-89.